

Kacnepy

Глава

1

На северо-западе Лондона есть одна плоская крыша, которую не разглядишь ни с дороги, ни из окон соседних строений, потому что она венчает высокий многоквартирный дом на тихой жилой улице. На этой крыше раскинулся целый сад редких и необычных растений — из тропиков и из засушливых мест, стелющихся, колючих, экзотических и уникальных. Несмотря на разнообразие, потребности каждого растения удовлетворяются скрупулезно и педантично. Этот сад — оазис и убежище в сердце жестокого, беспощадного города. Доступ туда имеет лишь одна персона — через люк в потолке их с садом кухни. Они никогда не приглашали к себе друзей, чтобы пропустить стаканчик, потому что ни друзей, ни семьи у них нет. Они с садом совершенно одни в этом мире, чем весьма довольны.

Персона эта — Юстасия Амелия Роуз, профессор ботаники. Специалист по ботанической токсикологии. Го-

воря простым языком, она изучает ядовитые растения. Она — то есть я.

Я не из тех людей, кто стремится к самовозвеличиванию. Во многом я и вовсе остаюсь незаметной: меня нельзя назвать ни высокой и стройной, ни низкорослой и полной. За волосами я ухаживаю, аккуратно разделяя их на пробор с помощью черепахового гребня и бриль-крема, а одежду стираю в раковине и глажу на кухонном столе. Манжеты на рукавах обтрепались, подкладка кое-где износилась, а в карманах зияют дыры, но этого безобразия никто не видит. Некому комментировать жирные пятна на моем воротничке или земляной дух, исходящий от моих штанов, чем я также очень довольна.

Мне нравится думать, что в моей внешности еще сохранился флер учености, что я могу сойти за университетского преподавателя — ведь когда-то я и в самом деле преподавала в университете. Годы сосредоточенной работы оставили мне глубокую складку между бровей, а широкую переносицу вечно украшают вмятины от стальной оправы очков. Мимических морщин от улыбки или смеха у меня нет, а уголки рта от природы немного опущены, что, кажется, некоторые могли бы счесть непривлекательным, однако форма моих губ мягкая, и чаще всего они сосредоточенно поджаты.

Мне сорок четыре года. Надо признать, что внешность не соответствует возрасту — я выгляжу гораздо старше. Порой внешний мир сбивает меня с толку. Пугают его внезапные вмешательства — скажем, холодные звонки от интернет-провайдера или письма из налоговой. Однако в то время, когда я предоставлена сама себе, мой разум ясен, пронизателен и сконцентрирован; таким ему и следует быть.

Каждое утро я натягиваю на себя защитный комбинезон — он слегка коротковат, а потому создает дискомфорт в паху, — взбираюсь по приставной лестнице и вылезая на крышу через люк в потолке кухни. Меня ждет длинная череда ежедневных дел, каждое из которых я выполняю с чрезвычайным усердием. Их распорядок неизменен. Каждое действие совершается в соответствии с определенной научной методикой, в ином случае я рисковала бы лишиться жизни.

С годами я пришла к осознанию того, что сама суть моей работы требует уединения. Я никогда не простила бы себе, если бы кто-то пострадал. Лучше уж нести этот риск в одиночку, оберегая окружающих от опасности. По этой причине я никогда не пыталась нанять ассистента или секретаря и упорно отклоняла просьбы о прохождении практики от студентов университета, в котором раньше работала. В прошлом, читая студентам лекцию, я любила сравнивать себя с сапером. Один неверный шаг — и *бум!* — все кончено. Только не в тот же миг, имейте в виду. Не как при взрыве, когда я погибла бы мгновенно, а вырванные из туловища внутренности разлетались бы по песку. Нет. Чтобы умереть, мне потребовалось бы время, в иных случаях до двух недель, но подобный исход был бы неизбежен. В этом нет никаких сомнений.

Следует отметить, что я отнюдь не всегда была довольна изоляцией. Я не планировала жить жизнью отшельника. В университете я каждый день общалась с людьми: студентами, другими преподавателями, персоналом. Мне это давалось нелегко. Меня напрягал зрительный контакт, смущал юмор, а после семинаров я частенько чувствовала себя совершенно вымотанной. Однако я была готова идти

на эти жертвы ради беспрепятственного доступа в лаборатории и теплицы, а также престижа и веса, которые придавало моим научным публикациям имя университета.

Стоит упомянуть и то, что намерения оставаться одинокой у меня тоже никогда не было. Однажды появился в моей жизни некто, с кем, как мне тогда казалось, я могла бы ее разделить. То была личность привлекательная, образованная, остроумная. Человек, который принял мои особенности и даже, возможно, полюбил их... однако в итоге предпочел мне кого-то другого. Я стараюсь на этом не заикливаться. Как там говорится? Лучше любить и потерять...¹ Испытать эту боль, сомнения, страдание... Как уже отметила, я стараюсь не заикливаться, но порой это требует больших усилий. Я предпочитаю на что-то отвлекаться, искать отдушину.

Мой Отец увлекался астрономией. Он установил телескоп на подоконнике у себя в кабинете и, прикинув к его окуляру, мог часами просиживать по ночам, бормоча что-то под нос, будто пребывая в ином измерении. Я всегда завидовала его способу отгораживаться от окружающего мира, от приземленной реальности его жизни. В пору моего детства, если Марс или Сатурн были особенно яркими, Отец мог разбудить меня посреди ночи и полусонную отвести к телескопу, заставив глядеть в окуляр. И я, недоумевая, принималась вглядываться в далекие световые точки. Потом мы обычно перемещались за длинный стол в нашей оксфордской кухне, где меня ждал урок астрономии, завершавшийся, как правило, наглядной демонстрацией восхода Солнца.

¹ *'Tis better to have loved and lost (англ.)* — первая строчка из стихотворения Альфреда Теннисона. (Здесь и далее прим. пер.).

Отец преуспел во многих областях знания. Его даже называли энциклопедистом. Однако из всего спектра его интересов для себя я выделила именно астрономию. Для меня наблюдение за светилами тоже стало способом отгородиться от приземленной реальности собственной жизни и отвлечься, когда я чувствую, что проваливаюсь в пучину меланхолии. Телескоп мой, однако, не имеет ничего общего с отцовским. По сравнению с моим его инструмент был сильно устаревшим. Принадлежащий же мне имеет очень высокое разрешение, и к тому же довольно дорог. Я купила его на отступные, которые держу на крыше, среди растений. Поздней ночью, окончив все дела, я люблю наблюдать за звездами, планетами и периодическими метеорными дождями. Небесные явления околдовали меня, как в свое время околдовали Отца. Во многом я пришла к выводу, что ни с чем не сравнимая грандиозность глобального пространства и времени гораздо существеннее, чем все происходящее в том пространстве и времени, где мне выпало жить.

Однако в те ночи, когда из-за высокой облачности звезды наблюдать невозможно, а воспоминания о потерянной любви угрожают полностью овладеть мной, я использую телескоп не по назначению. Прошу поверить — делаю это без каких-либо дурных намерений. Начиналось это просто как развлечение, но вскоре мое занятие трансформировалось в нечто вроде социологического исследования. Научный поиск, если вам будет угодно. Со временем мои наблюдения выросли в нечто весьма впечатляющее. Откровенно говоря, я планирую однажды опубликовать свои выводы, вот почему всегда веду скрупулезную запись своих наблюдений в журнале. На данный момент таких журналов накопилось уже два десятка.

За многоквартирным домом, в котором я живу, расположен муниципальный сад, высокой кирпичной стеной отгороженный от палисадников, относящихся к расположенным неподалеку таунхаусам. С моей крыши открывается прекрасный вид на эти дома. Благодаря их большим викторианским окнам я вижу всех проходящих и уходящих оттуда жильцов. Можно, наверное, сказать, что ночью каждый этаж каждого дома превращается в волшебный фонарь, в котором видно все происходящее в его стенах. Порой, сидя в одиночестве у себя в саду, я вынужденно наблюдаю за этими людьми и частенько использовала телескоп, чтобы расширить горизонты наблюдения. Я была осторожна. И была уверена, что меня никто не видит, потому что телескоп расположила так, чтобы его линза была надежно укрыта за увитой лианами оградой моего сада. Я — орнитолог-любитель, притаившийся в укрытии. Скрытый от посторонних глаз.

Женщина с синими волосами, на костылях, обычно успевает умять пачку печенья на пару со своим псом, от души хохоча над чем-то, что идет у нее по телевизору. Вечно препирающаяся парочка постоянно разучивает одни и те же четыре танцевальных движения под музыку, которую я не слышу. Мальчишка, утонув в кресле-мешке, играет в компьютерные игры, хотя ему давно пора спать, яростно выкрикивая команды в микрофон гарнитуры и прихлебывая энергетик. Девочка-подросток с длинными заплетенными в косички волосами валяется на кровати, уставившись в экран смартфона. Она от него вообще не отрывается. Высокий сутулый мужчина, который никогда не улыбается, может часами стоять как вкопанный, глядя на фото матери и ребенка, висящее у него на

стене. Старушка с собранными в пучок белоснежными волосами, которая живет на цокольном этаже дома напротив, по ночам шарит в палисаднике с фонариком, собирая там улиток, а потом перекидывает их через стену.

И наконец, в квартире прямо над ночной метательницей улиток живет красивая молодая женщина.

Вспоминая тот день, когда впервые ее увидела, я всякий раз испытываю странное ощущение, которое в целом нельзя назвать неприятным. Она стояла у распахнутого окна, положив руки на подоконник. Должно быть, въехала она совсем недавно, поскольку раньше я ее не замечала. Заинтересовавшись новым объектом, я навела окуляр на ее лицо. Женщина была очень молода — должно быть, немногим более двадцати, — с широко посаженными большими темными глазами, внешние уголки которых стремились вверх. У нее были изящные брови, небольшой нос и выдающиеся скулы.

Итак, она была красива, но из массы других красивых людей, поднимая на совершенно иной уровень, выделяли ее именно губы: то была такая опасная высота, где встречаются лишь самые редкие и ценные экземпляры. Губы были такими полными и алыми, что напомнили мне невероятные прицветники *Psychotria elata*¹, растения, которое я держу под специальным колпаком в парнике. Я принялась понемногу приближать фокус, пока губы не заполнили все обозримое пространство в окуляре.

С растениями мне всегда было проще, чем с людьми, поэтому я привыкла давать последним прозвища в честь

¹ *Psychotria elata* (lam.) — Психотрия возвышенная, тропический цветок, среди прочих названий — цветок поцелуев, шляюхины губы и т.д.

Джилл Джонсон

тех растений, с которыми они имеют сходство. Мне это еще в детстве подсказал папа, так как у меня были явные трудности с распознаванием лиц и запоминанием имен. Так что в тот первый день, глядя на сочные красные губы, благодаря телескопу показавшиеся мне прямо-таки огромными, я выбрала нежное прозвище для их хозяйки. *Психо*, в честь моего экземпляра *Psychotria elata*. Я никогда никому не рассказывала, однако искушение попробовать на вкус эти глянцево-красные лепестки посетило меня не единожды, даже несмотря на то, что в них содержится сильное галлюциногенное вещество.

С течением времени и по мере того, как заполнялись журналы наблюдений, я начала ощущать странное притяжение к этой женщине — притяжение столь же мощное и вызывающее привыкание, как и ее растение-тезка.